МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ И РЕЛИГИЯ

А.Е. Себенцов

Тема модернизации вызвала оживленную дискуссию в Российской Федерации после публикации статьи Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева «Россия, вперед!»[1] и Послания[2] Президента Федеральному Собранию 2009 г., в котором эта тема получила дальнейшее развитие. Это связано и с тем, что в обществе созрело ощущение необходимости движения, осознание своих перспектив, и с тем, что указанные документы главы государства дали не очень-то четкую картину, вызвавшую необходимость толкований. Они сразу появились в СМИ в форме подборок экспертных мнений и оценок[3] той или иной референтной группы. Примером индивидуального профессионального мнения может служить статья председателя Конституционного суда России В. Зорькина «Право эпохи модерна» в «Российской газете»[4]. Разносторонняя дискуссия, посвященная обсуждению дальнейших путей развития нашей страны, прошла на XVIII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике. Ее материалы были опубликованы на страницах газеты «Военно-промышленный курьер» в мае — июне с. г. и доступны в Интернете[5].

Кратко итог этой дискуссии: наша культура неразрывно связана с западной, является ее частью и наоборот, и путь нашего дальнейшего развития лежит вместе с Западом. Притом нам не следует стесняться нашей периферийности, а «вместе с Западом» не означает забвения своих интересов. К этому хочется добавить, что забегать вперед в реализации заманчивых идей, рожденных европейской культурой, нам тоже не стоит. Недаром создатель объединенной Германии, канцлер О. фон Бисмарк сказал в свое время замечательную фразу: «Если Вы хотите построить социализм, выберите страну, которую не жалко».

В этом году, вслед за Украиной, Российская Федерация ввела в число памятных дней своей истории День крещения Руси[6]. Так отмечена роль христианизации славянских народов в становлении их культуры, развитии государственности — состоявшегося тысячу лет назад выбора цивилизационного пути. Выбор не был безальтернативным, и, по легенде, на него повлияли и красота богослужения, и дозволение некоторых издревле свойственных славянам веселий. Принятие христианства включило Русь в культурную сферу Запада, принятие его от Византии заложило основу отношения главы государства к Православной Церкви как к одному из государственных институтов, что и до сего времени крепко держится в нашем менталитете и сказывается в политике и в России, и в Украине.

Принятие христианства было первым шагом модернизации славянского общества, в ходе которого произошло приобщение Древней Руси к западной культуре (а культура в те времена и существовала в основном в религиозных формах) — обретение письменности, развитие богословия и книжного знания, наконец, становление гражданской бюрократии. Географически и исторически Русь была в тот период далекой периферией Запада, но хорошим учеником, и уже через два-три столетия отста-

---

[1] http://www.medvedev-da.ru/public/index. php?ELEMENT_ID=6617

[2] http://www.kremlin.ru/transcripts/5979

[3] Модернизация: пути и средства (Эксперты РГ о проблемах реализации задач, поставленных в Послании Президента) // Российская газета. 2009. 27 ноября.

[4] *Зорькин В.* Право эпохи модерна: О том, каковы юридические уроки предыдущих попыток модернизации России // Российская газета. 2010. 25 июня.

[5] Военно-промышленный курьер. 2010. № 17–25; интернет-доступ: http://www.vpk-news.ru/archive/

[6] Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2010 г. № 105-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”».

вание стало минимальным. Как отметил профессор А. Зубов[7], для периферии главное не различие в деталях культуры, а интенсивность общения с культурным центром. В результате Преподобный Сергий Радонежский (1314–1392) интеллектуально на равных вел беседу с болгарином — митрополитом Киприаном и греком — Патриархом Филофеем Коккином, а те в свою очередь — с итальянскими богословами. Греческий иконописец Феофан учит русского гения Андрея Рублева (1340–1428), и в результате — живопись своеобразная, но и вполне равная по совершенству исполнения лучшим европейским образцам XIV в., отставание на 50–80 лет в сравнении с главными культурными центрами Европы было тогда для Руси обычным.

Ослабление Византии после IV крестового похода и ее падение в 1453 г. после взятия Константинополя турками способствовали отсечению Московской Руси от общения с Западом: в 1448 г. Русская Церковь провозгласила автокефалию и по сути отказалась принимать своих митрополитов из Константинополя (а греки отказывались назначать выдвиженцев московской власти). В 1459 г. московские епископы по настоянию митрополита Ионы (1390–1461) поклялись хранить от всех независимой, как высшую ценность, Святую Московскую Церковь. В связи с этим греки стали рассматривать Московскую Церковь как раскольническую, самопровозглашенную, а католики озаботились отрывом от нее литовской части. Общение прервалось на следующее 150-летие (с середины XV и до конца XVI в.). Запад за это время делает колоссальный культурный рывок — там эпоха Ренессанса, научной революции. Эразм Роттердамский и Лютер, Микеланджело и Леонардо, Коперник и Кеплер, Галилей и Бэкон, прорыв в развитии математики, механики, философии, медицины... А Россия волей обстоятельств и своих правителей[8]– и светских, и церковных — оторвана от культурных центров цивилизации и драматически отстает. Автаркия ведет к потере чувства реальности и выдвижению при Василии III (1479–1533) концепции «Москва — третий Рим», а далее к драматическим событиям раскола в Православной Церкви, связанного с именами царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона (1605–1681).

В результате потребовалась новая модернизация, проведенная царем Петром (1672–1725). Она носила далеко не полный характер: ее плоды получили чуть больше 2% населения, а остальные остались в стороне и в состоянии культурной дикости. И в немалой мере то, что получилось, держалось на немцах, лишь постепенно, в последующих поколениях, переходивших в православие.

Если в Западной Европе уже в XVIII в. абсолютизм провозгласил: «Править без народа, но для народа», и к началу XIX в. почти все население Пруссии, Франции, Австрии, Англии, Швеции было грамотным, крепостное право фактически исчезло, и повсюду действовало местное самоуправление, то в России подавляющая часть населения — крестьяне — находилась в рабском состоянии: они гражданами не считались, собственности у них не было, права на свободный брак — тоже, грамоте их не учили, подавать на своих хозяев в суды они не имели права. Об их модернизации не было и речи. Русское самодержавие было правлением без народа и не для народа, а для тончайшего слоя элиты. Следы этого подхода можно найти и в новые времена.

В государственно-церковных отношениях Петровская модернизация привела к упразднению Патриаршества и утрате Православной Церковью остатков самостоятельности. Если «церковные соборы XVI и XVII столетий... были только простыми совещательными учреждениями при особе государя»[9], то в XVIII–XIX вв. иерархи Церкви постепенно утратили непосредственное общение с царем, Церковь как учреждение приобрела положение второразрядной государственной конторы, на которую было возложено множество обязанностей, отнюдь не обеспеченных финансированием.

Так, к концу XIX в. приходской священник должен был[10] вести учет по 19 книгам, церковную ле-

---

[7] http://www.vpk-news.ru/17-333/cis/libo-koloss-na-glinjanyh-nogah

[8] Существуют иные исторические подходы к выявлению причин отрыва России от европейской культуры и другие оценки приобретения русским православием автокефалии. См., напр.: *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009; *Макарий* (*Булгаков*), *митр.* История Русской Церкви — интернет-доступ: http://www.sedmitza.ru/text/435960.html

[9] *Каптерев Н.Ф.* Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий. СПб., 1906; интернет-доступ: http://monar.ru/index. php?article=download/tsar_orf/Kapter_Tsar_i_Sobor&format=html&page=35

[10] См.: *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс М., 2002. С. 18.

топись, обеспечивать работу церковно-приходской школы и благотворительных учреждений, да еще поддерживать свою семью крестьянским трудом. Положение рядовых приходских священников было таким, что молодежь из поповских семей составила немалую часть будущих революционеров. В 70-х гг. XIX в. дети священников составляли 17% арестованных за политические преступления[11]. Государственная придавленность Церкви не позволила ей принять действенное участие в очередной модернизации России, которая произошла после отмены крепостного права и была связана с открытием России Западу. Известно, насколько быстрой и мощной она была.

Экономический и культурный рывок за 50–60 лет произошел невероятный. Появился сущностно модернизированный слой общества, достигший к Первой мировой войне 10–15% населения, к которому относятся и славянофилы, и западники, и Пирогов, и Менделеев, и Чайковский, и Лев Толстой, и Ключевский, и Сикорский. Но закончилась та модернизация не современной европейской Россией, как об этом мечтал Петр Столыпин, а большевистским кошмаром. Дикая масса большинства, замученная непонятной для них войной, захлестнула и уничтожила новую Россию. Лучшая, наиболее модернизированная, самая культурная часть русского общества уничтожена в красном терроре, изгнана или будет уничтожена в последующее десятилетие. Отношения с Западом долгие годы характеризовались понятием «железный занавес».

Свобода совести и демократия были фактически исключены из ценностей общества. Религия подавлялась и преследовалась, любая социально ориентированная деятельность религиозных объединений запрещалась, одной из провозглашенных целей этой модернизации было уничтожение религии, об участии в ней религиозных объединений не могло быть и речи — максимум, что им удалось, это сохраниться.

А страна вновь обречена на все большее отставание.

Это относится и к сталинской модернизации. Идея «загнать человечество в счастье железной рукой» довольно скоро проявила свою безнадежность, а модернизация как наращивание производственного потенциала исчерпала себя и после Второй мировой войны приобрела во многом имитационный характер, модернизировались лишь техническая и военная (в части вооружения) сферы. Развитие первой половины советского периода было обеспечено инерцией подъема конца XIX в., пока еще существовали старые дореволюционные кадры и их ученики. Но в тех областях, в которых заделов до революции не было, например, в генетике и кибернетике, Россия стала отставать с самого начала. В узких сферах, обеспечивающих военный потенциал, ядерную и ракетную мощь, СССР в значительной мере держался на высоте за счет научных данных и технологий, основанных на западных разработках и добытых (украденных) на Западе. В результате ни новой цивилизации, ни новой исторической общности под названием «советский народ» не получилось, а вышли системный кризис, развал СССР и все последующие перипетии нашей жизни.

И тут в жизни народов России появилась религиозная составляющая, приобретающая все более значимую роль.

Это получилось вполне естественно. Необходимость в духовной опоре для практических действий требовала замены отброшенной идеологии чем-то другим. Это другое должно было быть противоположным старой идеологии, давать ответы на неясные вопросы, иметь точки опоры в человеческих душах, наконец, иметь необходимое количество убежденных сторонников и активных служителей. В сложившихся условиях только религия могла занять пустоту, оставшуюся после краха старой идеологии.

Для Русской Православной Церкви сложилась исключительно благоприятная обстановка — впервые за 300 лет она совершенно свободна от государственного подавления. Большая часть населения, включая людей от религии далеких, считает себя православными. К Церкви прислушиваются, от Церкви ждут оплодотворения идеями — как народу жить и развиваться дальше. И Церковь, понимая и принимая ответственность, стремится ответить — и в своем религиозном служении, и возглавляя общественные движения, и выходя на международную политическую арену. Церковь разрабатывает социальную доктрину, восстанавливает отношения с отколовшейся эмигрантской своей частью. Она бьется за сохранение своей целостности на постсоветском пространстве, заботится о распространении

[11] См.: *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс М., 2002. С. 78.

своего влияния на молодое поколение — организуются Рождественские чтения, многочисленные другие форумы. Ежегодно проводятся всемирные русские народные соборы (ВРНС)[12], посвященные злободневным вопросам идеологии модернизации: «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России» (VII ВРНС, 2002); «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке» (X ВРНС, 2006); «Богатство и бедность: исторические вызовы России» (XI ВРНС, 2007); «Экология души и молодежь. Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления» (XIII ВРНС, 2009); «Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества» (XIV ВРНС 2010). Церковь предлагает ответы, заполняющие зияющие пустоты общественного сознания, напрямую связанные с модернизацией России. На XI ВРНС тогда еще митрополит Кирилл говорил о том, что именно модернизация страны может решить скопившиеся социальные и экономические проблемы общества и что реформы будут иметь успех только тогда, когда они будут учитывать ценности национальной культуры и духовного наследия.

Да, в Конституции Российской Федерации записано: никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст. 13); никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст. 14). Но, если «сердце просит», то не установленная никаким решением государственного органа религия становится массовой, связанная с ней идеология овладевает миллионами людей, становится фактически общепринятой.

Государство со своей стороны с готовностью принимает идеологию, продвигаемую Русской Православной Церковью. В русло, проложенное РПЦ, вливаются и другие культурообразующие религиозные организации. Если не считать особенностей, проявляющихся в регионах преобладания этих религий, взаимодействие с РПЦ как ведущей общественной силой складывается на всех уровнях государственной власти — и федеральном, и региональном, причем с мощной поддержкой полпредов Президента Российской Федерации в федеральных округах.

А религиозному мировоззрению, особенно христианскому и исламскому, свойствен эксклюзивизм, представление о том, что свое учение является единственно правильным, а все остальные неверны или как минимум ущербны. Либеральность религиозного мировоззрения, как правило, обратно пропорциональна размеру его социальной базы, и поэтому вторая сторона свободы мировоззренческого выбора — возможности конфликтов между людьми и социальными группами, имеющими различия в мировоззрении, образе жизни, нравственных критериях. Причем религиозные факторы могут сочетаться с этническими и придавать остроту межнациональным отношениям. И здесь важнейшая регулирующая роль принадлежит государству.

Свобода совести предполагает, что государство является светским, т.е. отказывается от установления в сфере отношения к религии обязательности и преимуществ того или иного мировоззрения, и защищает право граждан иметь свободно выбранное мировоззрение и действовать в соответствии с ним. При этом для обеспечения свободы каждого светское государство должно удерживать деятельность граждан и их объединений в рамках равноправия, предоставлять гражданам защиту прав и свобод — такие рамки должны соответствовать необходимости в демократическом обществе и быть установлены законом.

Для нашего государства, Российской Федерации, это не очевидно. У нас совсем недавно имелось единственно правильное идеологическое учение, отклонение мыслей и поведения от основанного на нем образа само по себе было преступлением, называлось антисоветской деятельностью и влекло наказание и меры перевоспитания. И то, и другое в полном противоречии даже с конституцией того времени брало на себя государство — и, надо отметить, не добилось результата, если не считать исковерканные судьбы миллионов людей, потерю их творческого потенциала для развития страны и в итоге гибель политической системы. Ни мировоззренческое разнообразие, ни одну из религий искоренить не удалось, хотя меры принимались весьма суровые — заключение в лагеря, массовое уничтожение священнослужителей, выселение всех верующих и даже целых народов, разгон собраний и издевательство над их участниками.

Трудно представить, до чего может дойти в наше время, но те, кто позволяет себе иметь «нетрадиционную» религиозную принадлежность,

[12] См.: http://www.vrns.ru/

ощущают: вектор развития событий направлен в знакомую сторону. Только вместо понятия «антисоветский» применяется «нетрадиционный», а «сектант» звучит по-прежнему, как приговор. Некоторые силы, неправым образом используя свое положение при власти, начинают делить граждан по религиозному признаку и устанавливать им разные права! Например, по сообщению пастора протестантской церкви И.В. Яншина из Нижневартовска, 30 июля 2010 г. управление социальной защиты Ханты-Мансийского АО разослало главам муниципальных образований письмо с приложением списка 265 «нетрадиционных» религиозных направлений, в котором требует бороться с ними, выявлять «сектантов», не допускать их в учреждения культуры, организовывать для этого контрольно-пропускные пункты, привлекать добровольные дружины (интересно, из кого? И в кино «сектантам» нельзя?). Муниципальные власти надавили на руководителей учреждений, в которых религиозные организации арендовали помещения для своих собраний, и пошли отказы в аренде. Прокурор философски надзирает над законностью. Хотя со стороны кажется, что уже дошло до применения ст. 148* Уголовного кодекса Российской Федерации «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий». Статья хорошая, но склонная к дремоте...

В период осознания причин, приведших советское государство к гибели, вклад идеологического мракобесия, насилия над совестью и религией получил достойную оценку, было принято решение закрыть эту печальную страницу. Появились закон о реабилитации жертв политических репрессий[13], указ Президента Российской Федерации[14], который осудил «многолетний террор, развязанный большевистским партийно-советским режимом в отношении священнослужителей и верующих всех конфессий». Партийно-советского режима у нас нет, издеваются над верующими не всех конфессий, а пока только 265 объединений, но кажется, что в очередной раз из истории урок не извлекается.

Если опираться на международные обязательства Российской Федерации, на ее Конституцию и законы, наконец, на здравый смысл, станет ясно, в чем задача нашего уже не советского, а светского, государства по обеспечению свободы совести. Это уважительное отношение к мировоззрению граждан, законодательное установление пределов свободы действий граждан, обеспечивающее свободу каждого, защита граждан и объединений граждан от помех их законной деятельности (и уж во всяком случае недопущение неоправданных помех). Должностные лица во всей властной вертикали — от президента до специалиста органа местного самоуправления, от председателей высших судов Российской Федерации до мировых судей — обязаны исходить из Конституции Российской Федерации, имеющей высшую силу и прямое действие, а в вопросах, касающихся свободы совести и свободы вероисповедания, проявлять особую деликатность.

Приходится отметить, что целостной, выработанной и зафиксированной в государственных документах доктрины государственно-конфессиональных отношений, или вероисповедной политики, не существует. При этом ответственные государственные лица, защищая «по зову сердца» интересы Церкви, нередко забывают ст. 18 Конституции Российской Федерации*, отступают от смысла законов.

В условиях, когда страна отчаянно нуждается в модернизации, впервые за сотни лет государственная власть и религиозные организации могут свободно взаимодействовать и соединять интеллектуальные, духовные, организационные усилия.

---

* Незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов наказывается штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев.

[13] Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий» (с изменениями и дополнениями)

[14] Указ Президента Российской Федерации от 14 марта 1996 г. № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий».

* Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Это вселяет надежду на успех. В ходе модернизации неизбежны сдвиги некоторых жизненных установок в «западную» сторону, в том числе в отношении терпимости к религиозному инакомыслию, а также уважения к закону. Государство должно подходить к взаимодействию с религиозными организациями с четко выработанных политических и научных позиций, оценивая возможности расширения круга названных организаций — соратников в модернизации общества. Говорить о модернизации можно только при условии сохранения и развития демократии. Выступая 13 сентября 2010 г. на пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты и критерии демократии» в Ярославле, Президент России Д.А. Медведев среди стандартов демократии указал «убежденность граждан в том, что они живут в демократическом государстве». Действительно, «...можно записать эти слова (свобода и справедливость) в Конституции, в других законах, спорить на научных конференциях, но демократии нет или есть проблемы с демократией, если человек на личном уровне чувствует несвободу и несправедливость»[15].

Представляется, что весьма заметной несвободой является невозможность пользоваться свободами, гарантированными Конституцией, а несправедливостью — искажение смысла законов при их применении государственной машиной. Человек может говорить себе «Я свободен!» только тогда, когда государство работает на обеспечение этой свободы.

Чтобы человек чувствовал свободу, Российское государство и все его должностные лица должны придерживаться Конституции Российской Федерации в реализации гарантированных ею прав человека. Это трудно, поскольку наша Конституция рождена не нашим опытом, но в ней воплощены опыт и достижения западной цивилизации, которые дорого стоили многим поколениям, и платить за собственный опыт новыми ошибками у нас уже не осталось ресурсов — ни человеческих, ни временны́х.

Отношение к свободе совести — индикатор отношения ко всем правам человека. Без свободы мировоззренческого выбора не может быть и демократии. Вместе с тем на практике разнообразие мировоззрений, порой оказывающихся продуктами разных веков, создает сложнейшие проблемы.

Нелегко добиться выполнения конституционных норм от религиозных объединений, и прежде всего массовых, традиционных религий. Но, если в отношении православия это представляется при последовательной государственной политике возможным в силу его коренных исторических связей с Российским государством, то в отношении ислама и есть, и могут еще быть весьма серьезные проблемы. Идеологическое воздействие иностранных исламских центров, перенос установок исламского мира на территорию с преимущественно европейской культурой вызывают конфликтные ситуации, с которыми столкнулись и Запад, и Россия. Опыт Турции[16] показывает, что ориентация этого пока еще светского государства на исламские интересы может существенно изменить его политику и создать новые условия для напряженности. А результаты референдума в Швейцарии подтвердили опасения ее жителей в связи с распространением ислама на территории страны. Выступая в 1997 г. на митинге, Т. Эрдоган, ныне премьер-министр Турции, так сказал о понимании роли демократии исламистской партией: демократия — это только поезд, в который мы садимся, чтобы достичь цели: «мечети — это наши казармы, минареты — наши штыки, купола мечетей — наши шлемы, а верующие — наши солдаты»[17].

Не основанная на глубоких изысканиях и недостаточно гибкая федеральная политика в отношении своих регионов с преобладанием ислама уже дорого стоила России. Происходящие в них процессы могут вызвать конституционный кризис, если, например, Дагестан или Чеченская республика утратят черты светского государства в пользу конфессионального. И чем больше исламской литературы попадает в списки экстремистских материалов, тем вероятнее кризис.

Неадекватная пристрастность Российского государства к преследованию религиозных меньшинств, особенно западного происхождения, свидетельствует об идеологической ангажированности и готовности отступать от законов и здравого смысла

[15] http://www.medvedev-da.ru/public/index.php?ELEMENT_ID=9809

[16] *Киреев Н.* Ислам как двигатель реформ // НГ-Религии. 2010. 2 июня.

[17] См. там же.

в угоду православию, воспринимаемому как государственная религия. В результате Россия проиграла уже несколько дел в Европейском суде по правам человека, но нет существенных признаков того, что она извлекла из этого уроки[18]. Вместо переоценки явно неэффективной и противоречащей праву политики — последние меры (борьба против Свидетелей Иеговы и признание Сургутским городским судом экстремистскими материалами[19] почти всех книг саентологии) показывают, что государство не готово выполнять свою Конституцию. А отход от принципов светскости государства, поддержка клерикализационных процессов — проверенный путь к отказу от демократии в пользу авторитарных режимов. Этот вариант слишком напоминает прошлое, чтобы сочетаться с модернизацией.

Необходимость модернизации ощущается всем российским обществом, в том числе и религиозными объединениями. Сможет ли наше государство предложить им формы участия в модернизации в рамках светского государства и удержать в этих рамках или реформы будут сопровождаться клерикализацией общественной жизни, неоправданным ущемлением прав граждан и конфликтами, имеющими религиозную составляющую, — остается под вопросом.

© Себенцов А.Е., 2010

[18] Трудно считать эффективными решениями создание при Минюсте России Научно-консультативного совета по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма (приказы Минюста России от 22 июля 2009 г. № 224, от 11 августа 2009 г. № 251) и некоторое расширение функций Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека Указом Президента Российской Федерации от 6 июля 2010 г. № 836 о внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310.

[19] Гражданское дело № 2-752/2009.